

Содержание

Предисловие к русскому изданию	9
Имманентность исторического. Введение	12
Повсюду времена	12
Собирательное единичное	14
Неопределенность	16
Провинциальность Истории	21
Вызовы	24

Вопросы времени

Старые времена, новые времена. Панорама истории времен	34
Проблемы времени	34
История времен	40
Ранние Новые времена	49
Плюритемпоральность	51
Практики освоения времени и знание времени	55
Сейчас времен	58
Официально исчисленное время	58
Который час и, собственно, как часто?	67
Сегодня среда или декабрь?	75
Когда происходит «сейчас»?	80
Мы всегда были модерными	84
Времяисчисление	90
Власть времяисчисления	91
Календарное время	93
Часовое время	100
Европейское время как глобальное время	106
Одно время и множество времен	111

Модусы времени

Контингентность прошлого	116
Историческая наука в поисках однозначности	116
Геродот	119
Не-настоящее	126
Возможная история возможного	128

Настоящее. Исследования временной посюсторонности . . .	135
Слово	135
Объект	144
Проблема	150
Пример	154
Одно или два заключения	158
Будущее — безопасность — модерн.	
Об одной неясной связи	161
Время Нового времени	161
Будущие времена и свобода	167
Остановка времени	174

Водоворот времени

Культурное забвение.	
Воспоминание об одной исторической перспективе	184
Забвение забвения	184
Парадоксы забвения	189
Имплекс	191
Айсберг истории	193
Забвение как предоставление возможности	195
Динамика забвения	202
Об «одновременности неодновременного»	206
Диффузные времена	207
Одновременность неодновременного в различные времена	212
Хроноцентризм и одновременности	227
Неодновременность сталкивается с самой собой	241
Об анахронизме	246
Флаг на дне морском	246
Грех анахронизма	249
Проблематизация анахронизма	253
Необходимый анахронизм	260
Продуктивный анахронизм	269

Цайтшафты

Хроноференции	280
Время, сбивающее с толку	282
Что такое хроноференции?	286

Присутствующее отсутствие	290
Историография должна стать поверхностной	293
Властные отношения	297
Какое из настоящих?	299
Многовременность	302
После линейности	306
Облачная темпоральность	309
Курорт, пещера, отходы. Карлсбадские хроноференции	311
Не пустой звук	311
Карлсбад/Нью-Мексико	314
Курорт	317
Святые места	320
Пещера	325
Отходы	335
Постскриптум к методу	344
Хайнер Гамлет Ганс.	
Время собственное и власть призраков	347
Актуальность Гамлета	347
Сейчас	350
Практика времени	353
Реестр времени	357
Хонтология	366
Писать историю вместе с Клодом Симоном	374
«Увидеть, как трава растет»	374
Мир без смысла	384
«Во всяком случае, никаких точек»	388
И это — всё	393
Библиография	400
Список публикаций	425
<i>Андрей Олейников.</i> Наука о настоящем	426
Указатель имен	445

Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в будущем,
Как будущее наступало в прошедшем.
Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает.
Ненаставшее — отвлеченность,
Остающаяся возможностью
Только в области умозрения.
Ненаставшее и наставшее
Всегда ведут к настоящему.

Т.С. Элиот. Четыре квартета¹

1. Перевод А.Я. Сергеева.

Предисловие к русскому изданию

Обращение к теме времени может показаться странным по разным причинам.

Прежде всего, многочисленные явления, привычно объединяемые понятием «время», настолько обыденны, что, кажется, едва ли заслуживают внимания. Время просто существует, мы во власти времени, мы не можем ни забыть его, ни преодолеть, в лучшем случае им можно с выгодой управлять. Что еще тут можно добавить?

Что ж, очевидно, немало. Нам показывает это другой, внушающий чуть ли не благоговение взгляд на «время». Ведь, как известно, столь тривиальное понятие рассматривается и на самых высоких уровнях абстрагирования. Будь то соображения философские, социологические, астрофизические или связанные с квантовой теорией, ни одно из них не обходится без порой крайне сложного теоретизирования, которое сводится в итоге к неразрешимому, может стать, вопросу о том, что же такое это загадочное время.

Помимо представлений о чрезмерной сложности времени существует (как минимум) еще одна, третья точка зрения на этот предмет (если время вообще можно назвать «предметом»). Эта позиция признает значимость связанных с ним феноменов, но принимает их преимущественно как нечто само собой разумеющееся.

Именно этот мнимо самоочевидный подход к теме времени побудил меня написать эту книгу. В моей родной специальности, в исторической науке, вряд ли кому-либо нужно объяснять, что время значимо и почему оно значимо. Однако как только это фундаментальное условие признано, время принимается как данность и рассматривается в качестве бесспорной рамочной категории. Время — это

среда, в которой может совершаться то, что обычно называют *историей*.

Тема времени неоднократно и глубоко осмыслялась в исторической теории. Так что здесь я, разумеется, совсем не первопроходец. И все же у меня складывается впечатление, что в этой констелляции проблем все еще таятся неразрешенные трудности. Исторической науке, которая по сути своей далека от теории, поскольку сосредоточена на исследовании событий, а не на самих принципах исследования, эта историография могла бы, опираясь на свою исконную область — вопросы трансформации и темпоральности, — предложить собственные теоретические положения, которые затем могли бы быть приняты другими дисциплинами: это в корне изменило бы существующую ситуацию, когда историческая наука односторонне полагается на их теоретические разработки.

Вопросы темпоральности связаны для меня не только с конструктивными возможностями теории истории, но и с практическими аспектами. Заниматься теорией времени вовсе не означает находиться вдали от повседневности. Напротив, с помощью понятия хроноференции, которое я, помимо прочего, ввожу в этой книге, я надеюсь лучше описать конкретные исторические и социальные формы обращения со временем. Речь идет об абстрактном понятии, служащем для описания конкретных временных практик.

Хотя, безусловно, некоторые кажущиеся маргинальными размышления о времени или исторической теории вряд ли окажут решающее влияние на политику или общество, тем не менее не следует упускать из виду, что не существует ни одного политического конфликта или социальной проблемы, которые обходились бы без моделирования времени. Любая попытка оказать политическое влияние неизбежно связана с выдвижением, а зачастую и установлением определенных хроноференций, которые связываются с идеальным образом желанного, порой безнадежно ностальгического прошлого — оно обещает лучшее, а то и лучезарное будущее. Разумеется, существуют и негативные варианты этих желанных проекций — презираемые

состояния прошлого, от которых стремятся освободиться, а также апокалиптически окрашенные будущие, протягивающие свои ядовитые щупальца в настоящее.

Я пишу это предисловие осенью 2025 года — в политической ситуации, когда война, массовые изгнания, сворачивание демократии, набирающие силу авторитарные и диктаторские режимы, открытое презрение к инакомыслящим и инакоусущим, экономическое неравенство и уничтожение окружающей среды достигли таких масштабов, которые еще недавно казались попросту немыслимыми, по крайней мере экономически привилегированной части мирового населения. Разве мы уже не оказались на «правильной» стороне истории в поворотную эпоху 1989-го—1990-х годов?

Конечно, здесь невозможно вмешаться с помощью одних лишь соображений о теории времени и теории истории. Но с помощью таких понятий, как хроноференция, можно лучше описать не только эту сумятицу, но и, что еще важнее, альтернативы. Потому что время не просто «есть», потому что мы не должны позволять себе внушать, где бы мы ни жили, будто существует неумолимая и неоспоримая стрела времени, уготовившая нам это настоящее и столь же неоспоримо направляющая нас в определенное будущее, но потому что времена во всем их многообразии, или, точнее, многовременность, являются порождениями культуры.

Мы меняем миры, мысля их иначе. И осмысление времени играет в этом инакомыслии отнюдь не последнюю роль.

*Ахим Ландвер
сентябрь 2025 года*

Имманентность исторического

Введение

Повсюду времена

Порой достаточно выглянуть в окно — а лучше, пожалуй, выйти прогуляться. Подобно тому как производители наклеивают на товары стикеры с указанием срока годности продукта, мы, бесцельно слоняясь, можем снабдить знакомые окрестности датами. Дом на другой стороне улицы был построен без малого сто лет назад. Через две улицы нас поджидает уже XIX век, а ближе к центру города найдутся жилые дома, которые на добрую пару веков старше. С противоположной стороны огромный незастроенный участок, где экскаваторы и грузовики выводят крест-накрест свои па-де-де, сообщает нам о домах, которых пока нет и в помине, но их будущие жильцы уже сейчас, сияя с гигантских рекламных щитов счастливой улыбкой, фланируют среди залитых солнцем зеленых насаждений. Позади легко различить лесной массив, среди него высятся дубы причудливой формы, и остается лишь гадать, о каких временах они могли бы поведать. Если бы мы только понимали их послания! За углом мужчина средних лет садится в свой автомобиль — раритет, десятилетиями колесивший по дорогам, состояние которого, освященное временем, легко угадывается по литере «И» на номерном знаке («исторический автомобиль»). Это отнюдь не единственный случай, когда немецкое налоговое законодательство предоставляет льготы вещам, если дело доходит до их способности (или счастья) выдержать испытание временем. Мужчина едет навстречу дню, и хотя он и распланировал его заранее, взвесив все резоны, он мало что знает о нем (в точности). Отъезжая, он машет рукой беременной женщине, которая с разных сторон обдумывает совершенно другие сценарии

грядущих, более-менее близких непредсказуемых событий.
*A day in the life*¹.

Едва я сделал шаг за дверь, как за считанные мгновения времена затеяли чехарду. Странно было бы спрашивать, сколько прошлого, настоящего или будущего вмещают эти вещи, люди, ситуации. Разве все, с чем сталкивается человек за порогом собственного дома или в любом другом месте, не сопричастно всем временным формам? Чтобы мы могли воспринять все это, оно должно существовать здесь и сейчас; оно должно обладать прошлым, в котором возникло; и если сию минуту не грянет катастрофа, ему, пожалуй, будет даровано более или менее прочное будущее. Что тут особенного? Раз уж мы временные и овремененные [*verzeitlichte*] существа, в нашем постоянном контакте с прошлым, настоящим и будущим нет ничего необычного. Да и, строго говоря, прошлое, настоящее и будущее суть всего лишь три из множества возможных форм, с которыми мы имеем дело. Не стоит забывать также и о безвременье, времяпрепровождении, моменте, вечности, скачке во времени, часовой бомбе, бессмысленной трате времени, мертвом сезоне, потере времени, несвоевременности, фиксированном рабочем времени, долгосрочном воздействии, разнице во времени, интервальной киносъемке, свободном времени или конце времен — список явно можно продолжить.

Действительно, такое мгновенное сопряжение нескольких времен вполне обычно. Именно поэтому возникает вопрос, почему оно играет настолько незначительную роль в наших размышлениях о времени и его описаниях. Как только темпоральное транспонируется в определенные обобщения, наши описания времени оказываются на удивление бедными. И тогда изобилие времен довольно быстро сводится к ровному лучу, на котором можно все аккуратно расположить. Хотя завихрения времен за нашим порогом легко выстраиваются в хронологический ряд и мы можем точно определить их дату и час, что это дает? Всякое настоящее имеет свойство не совпадать с собой во времени,

1. «День из жизни» — название знаменитой песни *The Beatles* из альбома *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* (1967). — *Прим. пер.*

потому что в нем всегда *уже* свершается так много других времен. В одно и то же мгновение иные мечтают о будущем в еще не построенном доме или воображают, какой будет жизнь после их смерти, другие же тоскуют по 1950-м или мечтают о вечном отпуске под пальмами. И хотя все они при этом одновременно *здесь* — *сейчас* ли все они?

Собирательное единичное

Независимо от того, смотрите ли вы в окно, выходите за порог или регулярно следите за новостями о местных и мировых событиях, невольно напрашивается вопрос о том, как из множества этих пестрых разрозненных времен и историй формируется большая История. Безусловно ли все взаимосвязано? Или лишь благодаря тем, кто наблюдает за происходящим? Это напоминает ребенка, который тоже отправляется на улицу, но — будучи заранее предупрежден взрослыми, что нужно следить за уличным движением. Едва выйдя из дому, он видит улицы, вывески, велосипеды, легковые и грузовые автомобили, зебру пешеходного перехода, светофор — но где же, собственно, уличное движение?

В западной культуре принято говорить об «истории» как о так называемом собирательном единичном [*Kollektivsingular*]. Мы понимаем «историю» как самодостаточный и целостный, единый процесс. В нем не только, как в большом целом, объединяются и оказываются снятыми (отсюда и «собирательное единичное») все единичные истории, но при таком понимании соединены также субъект и объект: это История как таковая, и не что иное¹.

Однако мы не так давно заговорили об «истории как таковой». Даже если такие рассуждения и связанное с ними мышление кажутся нам само собой разумеющимися, это все же не так. Заставляет задуматься уже сам факт, что идея «истории» сама имеет историю. Ведь как может служить общей рамкой всего происходящего и всех перемен то, что существует не более трех веков? Как может служить

1. Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M., 1989. S. 50–56.

в качестве все объясняющей целостности то, что, насколько нам известно, впервые зафиксировано как слово и понятие во Франции конца XVII века¹, а затем в течение XVIII века проникло в европейские интеллектуальные дебаты, прежде чем стало всеобщим достоянием в XIX столетии?² Быть может, самое время избавиться от этой идеи в XXI веке.

Но если не вызывает особого беспокойства историчность «истории», то, по крайней мере, должно заставить задуматься следующее противоречие: пусть идея «истории» и провозглашает изменчивость всего и вся, она все-таки допускает одно явное исключение, а именно для самой идеи единой великой Истории. Последняя не должна быть подвержена исторической изменчивости³. Благодаря этому запрету она в состоянии взять на себя задачу, которая ей, в сущности, и отведена, — занять место всемогущего божества. По мере того как вера в фигуру Бога Отца, промыслителя судеб мира, постепенно ослабевала, европейские интеллектуалы смастерили эрзац божества по имени «История»⁴. Отныне и впредь, стремясь понять, почему все устроено так, а не иначе, взор обращали не вверх, а назад⁵. Как заметил историк Иоганн Густав Дройзен, над историями есть «История»⁶.

1. *Sawilla J.M.* «Geschichte»: Ein Produkt der deutschen Aufklärung? Eine Kritik an Reinhart Kosellecks Begriff des «Kollektivsingulars Geschichte» // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2004. № 31. S. 381–428.
2. *Koselleck R.* «Neuzeit». Zur Semantik moderner Bewegungsbegriffe // *Studien zum Beginn der modernen Welt*. Stuttgart, 1977. S. 264–299.
3. Именно так недавно сформулировал Рюзен в своей работе: *Rüsen J.* *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft*. Köln; Weimar; Wien, 2013. S. 95–96.
4. См. в этой связи: *Löwith K.* *Weltgeschichte und Heilsgeschehen. Die theologischen Voraussetzungen der Geschichtsphilosophie* // *Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen. Zur Kritik der Geschichtsphilosophie (Sämtliche Schriften. Bd. 2)*. Stuttgart, 1983. S. 7–239.
5. Ср.: *Burger R.* *Im Namen der Geschichte. Vom Mißbrauch der historischen Vernunft*. Springe, 2007.
6. *Droysen J.G.* *Historik. Rekonstruktion der ersten vollständigen Fassung der Vorlesungen (1857). Grundriß der Historik in der ersten handschriftlichen (1857/58) und in der letzten gedruckten Fassung (1882)* / Hg. von P. Leyh. Stuttgart, 1977. В рус. пер.: *Дройзен И.Г.* *Историка: Лекции об энциклопедии и методологии истории* / Пер. с нем. Г. Федоровой; под ред. Д. Складнева. СПб., 2004.

И мы снова возвращаемся к ребенку на улице, который никак не может обнаружить уличного движения. Конечно, со временем, набравшись опыта, он поймет, что вещи взаимосвязаны, — или, точнее, что друг с другом связываются именно те вещи, которые обозначаются понятием «уличное движение». Возможно, это «уличное движение» так же трудно распознать, как «государство», «общество», «экономику» — или «историю». Но что-то тут точно есть. Вопрос только в том, как мы хотим назвать и описать это *что-то*, какие функции и обязанности хотим за ним закрепить и какой вес мы ему придаем. В начале XXI века не трудно заметить, что с общим феноменом под названием «уличное движение» уже не все в порядке. И с собирательным единичным истории, похоже, дела обстоят не лучше.

Неопределенность

Вопреки первому впечатлению, такие кажущиеся беспочвенными соображения — вовсе не сугубо академическое дело. Хотя сам вопрос о том, насколько верны рассуждения о собирательном единичном истории, откровенно отдаст научным снобизмом, он все же вводит нас в поле всеобщих вопросов и ведущихся по всему миру в начале XXI века дискуссий. Эти дискуссии вращаются — с почти nepозволительной понятийной размытостью — вокруг ощущения всеобщей неопределенности. Что действительно смущает в этой неопределенности, так это то, что трудно сказать, по какому, собственно, поводу мы встревожены. Она либо дает о себе знать неясным, неосвязаемым, скорее ощутимым, нежели имеющим конкретное имя фоновым шумом, который зачастую появляется в паре с громким словом «кризис», либо конкретизируется в длинном списке феноменов, неизменно создающем впечатление своей заведомой неполноты: изменение климата, миграция, фейк-ньюс, финансовый кризис, пандемия, сомнение в западных ценностях, постправда, антропоцен, старые и новые мировые державы, упадок демократии, скепсис в отношении научных знаний, власть интернет-корпораций...

В начале XXI века по меньшей мере привилегированная часть человечества (которая, к слову, позволяет мне писать этот текст) живет, пожалуй, в самом безопасном и процветающем мире, который когда-либо знала история. И все же (или как раз поэтому) именно этот мир полон смятения. Привилегированная часть человечества, кажется, существует в разрыве между достигнутым совершенством и концом света: с одной стороны, имея безусловный базовый доход и избавившись от тягот жизни с помощью вездесущих высоких технологий, с другой — ожидая приближающейся гибели этого мира. *It's the end of the world as we know it (and I feel fine)*¹.

Когда требуется описать такие феномены, такую фундаментальную неопределенность по отношению к реальности, в которой мы живем, почти наверняка прибегают к историческим повествованиям. Такова насущная задача, которую с давних пор и по настоящий день призвано выполнять собирательное единичное истории — объяснять, как произошло то, с чем мы сейчас имеем дело. Насколько серьезно перед этой всеведущей инстанцией под названием «история» была поставлена задача по упорядочению не позволяющего в себе сомневаться хаоса, можно судить по необычайно сложной и дифференцированной исторической культуре, которой обладают (пост)индустриальные общества. *Историческое* пронизывает повседневную жизнь на всех уровнях. Им переполнены не только музеи разных мастей — исторические темы предлагаются во всех медиа в виде книг, фильмов, интернет-форматов. Каждая более-менее солидная фирма или институция должна иметь собственную историю. Разыгрываются исторические реконструкции, устанавливаются мемориальные доски, компьютерные игры поселяют своих геймеров и персонажей в различных эпохах и т.д. и т.п.

Но такова не только историческая культура, отвечающая за упорядочение опыта, — в гораздо большей мере это еще

1. «Это конец света, как мы знаем (И я чувствую себя прекрасно)» — название песни американской рок-группы R.E.M. из альбома *Document* (1987). — Прим. пер.

и попытка расположить собственное здесь-и-теперь в расширенном настоящем, начало которого можно — по выбору — отсчитывать от 11 сентября 2001 года, от падения Восточного блока в 1989-м, от конца послевоенного экономического бума, от докладов Римского клуба, от 1968-го, от Карибского кризиса или процессов деколонизации. Или, возможно, корень зла берет начало уже в мировых войнах первой половины XX века? Или дело в том, что теория относительности, квантовая механика, искусство модернизма или *fin de siècle* так и не создали тот мир, который мы постепенно теряем, потому что он остается для нас принципиально непостижимым? Может быть, все дело в империалистических колониционных проектах XIX века, от последствий которых мир страдает до сих пор? Или причина в роковых посулах рациональности, на которые была щедра эпоха Просвещения и Французской революции, с их диалектическими парадигмами достижений и прогресса, от которых мы, похоже, не в силах отказаться.

Не беспокойтесь, я не претендую на исчерпывающие ответы. Труды историков не выдержали бы груза бесплодных ожиданий, если бы в них действительно хотели найти решение мировых загадок. С одной стороны, было бы заблуждением ожидать, что исторические описания вникнут в корень проблемы, просто представив хронологически обоснованную каузальность. В конце концов, историография не обязана придерживаться поверхностного, исключительно дескриптивного распределения задач. Она не должна, в духе позитивизма, просто отвечать на вопрос, как же именно все произошло. Ведь история, напротив, располагает гораздо большими возможностями, не в последнюю очередь теоретического характера¹, для описания, обработки и, возможно, даже решения актуальных проблем — возможностями, в которых ей обычно отказывают и которые заключаются, в частности, в корректном обращении со сложными временными отношениями, в чем историография, собственно, может и должна быть компетентной.

1. Cp.: Kleinberg E., Wallach Scott J., Wilder G. Theses on theory and history. 2018. <https://theoryrevolt.com> (дата обращения: 08.09.2018).

Но чему мы можем здесь научиться? Вид из окна, прогулка по улице или просмотр новостей наводит на мысль, уже звучавшую выше, о великой путанице. Но за ней кроется глубокое замешательство в вопросах идентичностей, пространств и времен. Кто мы на самом деле? Где мы вообще находимся? И, самое главное, *когда* мы находимся? В дискуссионном контексте, который можно с большими оговорками назвать «Европой» или «западным миром», эти и подобные вопросы звучат давно. Эти вопросы и вправду не новы, даже если кажутся новыми тем, кто ими задается.

Поэтому не так просто говорить о Европе и западном мире, ведь неясно, что под этим подразумевается. Границы этих диффузных географических образований всегда было трудно определить (где границы Европы? что еще/давно/уже не может считаться частью Запада?), но процессы и дискуссии, которые мы несколько беспомощно называем глобализацией и постколониализмом, еще острее обозначили эти проблемы. Как показывают, например, дебаты о миграции и безопасности границ, значительная часть Европы и западного мира пытается оградить себя от подобной размытости.

Однако в начале XXI века не только трудно определить, где и как, но также не просто сказать, когда мы там находимся. Об этом свидетельствует путаница в словоупотреблении и дискуссиях, соответственно, о модерне, постмодерне, постпостмодерне, гипермодерне, альтермодерне и других подобных комбинациях. Уже не скажешь навскидку, что мы живем в эпоху модерна. Да и почему вообще модерн? Кажется, с ним что-то (уже) не так. Бруно Латур, как известно, говорил, что мы никогда не были современными [*modern*]¹. Но если это так, то какими мы были все это время? Неужели мы заблуждались, воображая более двух столетий, что мчимся на поезде сквозь время, меж тем как двигался только пейзаж за окном?

1. Latour B. Wir sind nie modern gewesen. Versuch einer symmetrischen Anthropologie. 2. Aufl. Frankfurt a.M., 2002. В рус. пер.: Латур Б. Нового времени не было / Пер. с фр. Д. Калугина. СПб., 2006.

В настоящее время предпринимаются многочисленные попытки упорядочить наше здесь-и-теперь в историко-эпохальных терминах: можно говорить об эпохе глобализации, цифровой или информационной эпохе, антропоцене. Но окажутся ли эти исторические самоопределения лучше, чем другие «эпохальные» описания, которые тоже еще не устарели, но уже никем не используются? Помнит ли еще кто-то «атомный век», «космическую эру», «век машин»?

Неопределенность в отношении подходящего обозначения эпохи выглядит почти безобидной на фоне таких публицистических клише, как «альтернативные факты», «фейк-ньюс» или «постправда». Неужели неопределенность в отношении нашей реальности и ее адекватного, простого, правдивого описания сейчас настолько велика, что становится все труднее написать сколько-нибудь убедительную историю этой реальности? Или, того хуже, может быть, теории заговора разных мастей — это просто издержки мира, в котором каждое сообщество вольно компоновать собственную историю по своему усмотрению? Если у нас уже нет «больших нарративов», не вправе ли тогда каждый сфабриковать свой собственный?

Похоже, перед нами также стоит выбор исторического самоопределения: совершенство или конец света? великая цельность или полная фрагментация? Мир ускользает от нас, отказывается быть схваченным, особенно мир в его временном бытии. Если, с одной стороны, прошлое привлекает нас как прибежище определенности, поскольку взгляд в прошлое как будто позволяет четко установить, в чем было (и есть) дело, то, с другой стороны, прошлое оказывается чрезвычайно гибким, когда речь заходит о его новых версиях, открытых адаптации к изменениям (которые, однако, постоянно претендуют на статус окончательной и истинной версии). Даже если то, что произошло, уже произошло, даже если битвы и революции не могут повториться, жизни не могут быть прожиты заново, а мертвые не воскреснут, мы все равно не склонны просто оставить прошлое в покое, но постоянно перерабатываем

его и снова и снова соотносим с собой. И, как ни странно, в ходе этих усилий прошлое действительно меняется.

Провинциальность Истории

Однако именно это *установление связи с прошлым* или многими прошлыми поднимает проблему на тот уровень, о котором шла речь. Именно потому, что больше не представляется возможным привести к общему нарративному знаменателю связь между настоящим и прошлым, собирательное единичное истории должно быть поставлено под сомнение во всей своей полноте. Недостаточно уже просто ремонтировать эту модель, оптимизировать и адаптировать ее к текущим условиям. Ведь нынешние условия неопределенны и поставлены под сомнение, поэтому невозможно предложить в качестве решения проблем давно известное в новом обличье. Во времена религиозных или идеологических определений мира еще существовала возможность проводить длинные исторические линии. Но эти большие нарративы исчерпали себя. И даже Жан-Франсуа Лиотар, создатель крылатой фразы о конце больших нарративов, заявил, что конец больших нарративов, собственно, — тоже новый большой нарратив¹.

Однако величайший из больших нарративов — это сама «История» [*die Geschichte*]. Ее собирательное единичное по-прежнему несет в себе обещание направленности, формирования идентичности, определенности, фундамента. Эти качества должны быть сняты с «Истории» как с мнимо сингулярного сверхпроцесса не только из-за упомянутых теоретических нестыковок. Более того, идея собирательного единичного истории несостоятельна еще и потому, что является продуктом европейского провинциализма. Даже если эта идея начала свое триумфальное шествие по миру в ситуации европейского колониального и империалистического господства и даже если она может быть плодотворной в определенных контекстах, ее ограниченность и связанные с ней проблемы давно очевидны. Ведь

1. Lyotard J.-F. Der Widerstreit. 2. Aufl. München, 1989. S. 226.

неопределенность, замешательство, дезориентация и трудности с описанием нашего мира не в последнюю очередь обусловлены тем, что, помимо прочего, именно собирательное единичное диктует определенные способы мышления и описания, из-за которых многие вещи кажутся невообразимыми. Ограниченность этой модели истории становится особенно очевидной, когда мы рассматриваем другие, неевропейские способы понимания мира и организации времени. (И даже мое несколько беспомощное негативное описание иного как «неевропейского» указывает на то, как трудно мыслить и писать непроторенными путями, когда это «вне» даже не может быть описано позитивно.)

Можно не только сказать, что собирательное единичное истории больше не в состоянии выполнять возложенную на него задачу, но прежде всего следует заключить, что эта идея «Истории» в конечном счете является европейской формой описания и объяснения, не способной скрыть место своего происхождения. Провинциальность «Истории» следует преодолеть, а собирательное единичное — упразднить, признав взамен многообразие времен. Что определенно не следует бесконечно множить, так это повторение линейных и однородных исторических повествований, которые давно утратили свою «научную» невинность (называемую обычно объективностью и нейтральностью). Они были разоблачены некоторое время назад как западноевропейские «рассказы» телеологического толка, и избежать этой модальности невозможно, коль скоро эти повествования основаны на моделях времени и истории, порожденных европейско-христианским миром.

Моя цель не в том, чтобы пообещать новую определенность. Моя цель скорее в попытке найти формы разработки и описания неопределенного. Если перед историографией обычно ставится задача обеспечить определенность сущего, главным образом прошлого, то я хотел бы выступить за возобновление неопределенности во имя обретения нового понимания мира в его временном измерении¹.

1. Ср. также: *Reinhard W. Geschichte als Delegitimation // Jahrbuch des Historischen Kollegs*. 2002. S. 27–37.

Даже если к этому не сразу удастся привыкнуть, нужно приветствовать жизнь в условиях неопределенности, неуверенности, непредсказуемости. Речь не идет о преднамеренной, навязанной самим себе наивности. Речь не идет и о том, чтобы заменить «Историю» множеством микро-историй, которые абсолютно бессвязно разворачивались и сталкивались бы друг с другом. Иными словами, недостаточно просто сказать, чего вы больше не хотите. Напротив, нужно четко определить, что именно займет место собирательного единичного.

Верно, нам нужна не только альтернативная история, но и альтернатива истории¹. Но в итоге мы все равно получим историю, которую нужно рассказывать (*story*), хотя и не основанную на собирательном единичном, именуемом «История» (*history*). Поэтому, чтобы освободиться от Истории, нам нужна другая историография.

Критический взгляд на собирательное единичное истории может быть продуктивным. С одной стороны, я говорю о негативной теории истории. Ведь если мы хотим действительно постичь «Историю» как некое осмысленное целое, нам придется выйти за рамки этой истории. Но поскольку это еще никому не удавалось, можно с полным правом усомниться в существовании собирательного единичного. Это ни в коем случае не означает сомнения в прошлом или в случившихся событиях — это означает скорее превращение собирательного единичного в собирательную множественность, в чрезвычайно сложную конструкцию процессов, разворачивающихся во времени, и описаний времени, которые не желают сливаться в единство, мыслимое с европоцентристской и, следовательно, хроноцентрической позиции. Такая теория истории негативна не потому, что отвергает историческое, а потому, что историческое может быть определено в крайнем случае путем исключаящего отрицания — но никогда не окончательно. Негативная теория истории утверждает, что «Истории» (как собирательного единичного)

1. *Nandy A. History's forgotten doubles // History and Theory. 1995. Vol. 34. P. 44–66.*

не существует, но в то же время задается вопросом, как дано историческое.

Таким образом, поскольку при разговоре об «Истории» в этой единичной форме может возникнуть (и довольно часто возникает) впечатление, что предмет разговора действительно существует, я говорю о понятии исторического. Это субстантивированное прилагательное относится не к чему-то конкретному вовне, а к конгломерату свойств, которые общества приписывают определенным явлениям своей реальности, — свойств, имеющих отношение к прошлому и конституирующих его. Однако из этого проистекает не замкнутый в себе общий контекст, а прежде всего осознание человеческого существования [*Dasein*] как бытия во времени.

Чтобы сохранить открытость и многообразие этого временного опыта и не похоронить его под собирательным единичным, мы должны сокрушить историю и отвоевать историческое. *Écrasez l'histoire! Gagnez l'historique!*¹ Трансцендентность собирательного единичного Истории должна быть заменена имманентностью исторического. Останемся по эту сторону «Истории»! Не допустим богоподобной тотальности под названием «История», на съедение которой отдается все сущее и происходящее в его всеобъемлющей целостности. Рассмотрим же временные отношения, связи с прошлыми и будущими временами, вечностями и потусторонностями (потувременностями) и множеством других времен, чтобы хоть в малой мере отдать должное разнообразию нашего временного существования.

Вызовы

Конечно, это двойной вызов. С одной стороны, такое требование не страдает излишней скромностью. С другой — я даже не притязая на то, что, написав эту книгу, совершил все необходимые шаги на избранном пути. Если мой замысел хоть наполовину удался, вы найдете далее ряд сомнений

1. «Сокрушите историю! Отвоюйте историческое!» (*фр.*). Парафраз знаменитого антиклерикального высказывания Вольтера: *Écrasez l'infâme, écrasez l'infâme!* («Раздавите гадину!»). — *Прим. пер.*

и замешательств относительно того, как обычно работают история и истории. Но найдется место и предложениям, как справляться с такими недоразумениями и как их описывать.

Один из множества возможных аргументов в пользу недовольства расхожим пониманием истории можно найти у семиотика Юрия Лотмана. Он отмечает трудности исторических повествований, опираясь на культурологическую теорию знаков. Излагая события как неизбежные и в какой-то мере естественные, традиционная историография изгоняет из них также и неопределенность. Однако именно неопределенность должна рассматриваться как ценность и единица измерения информации. Если событие прошлого представляется как неизбежное и непреложное, из исторического труда изгоняется не только неопределенность, но и возможность¹. Без неопределенности собирательно-единичная история превращается в судьбу, которую можно зафиксировать и принять, но которая теряет все свойства пространства возможностей.

Собранные здесь статьи, написанные по разным поводам и по большей части уже опубликованные в разных изданиях, затрагивают три главных, связанных друг с другом вопроса: Как устроены устоявшиеся модели времени и истории — и почему они неудовлетворительны? Существуют ли альтернативные модели времени и исторического? Какие практические последствия эти альтернативы имеют для историографии?

Трудности начинаются уже с того, что время как категория не занимает особенно заметного места среди забот историков (см. раздел «Старые времена, новые времена»). Несмотря на то что примерно с 2010 года в дискуссии намечился некоторый сдвиг², все же по-прежнему удивляет,

1. *Lotman Ju.M.* Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur. Berlin, 2010. S. 308–322. На рус. яз.: *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 316–330.

2. Ср., например: *Breaking up time. Negotiating the borders between present, past and future.* Göttingen, 2013; *Seefried E.* Zukünfte. Aufstieg und Krise der Zukunftsforschung 1945–1980. Berlin; Boston, 2015; *Obsession der Gegenwart. Zeit im 20. Jahrhundert.* Göttingen, 2015.

что в международной исторической науке время воспринимается скорее как нейтральная рамка для исторических событий, чем как проблема и важный фактор этих событий. Таким образом, путь к истории времени все еще остается довольно узкой тропой, хотя она обещает историческим занятиям широкие перспективы в обретении иного смысла и значимости — особенно за пределами самодовольной исторической науки.

Это обнаруживается не в последнюю очередь во множественности времен, ощутимой и в повседневной жизни (см. раздел «Сейчас времен»). Люди не только живут в физическом или биологическом времени или времени, которое отсчитывается часами и календарями, но и постоянно создают многочисленные культурные формы времени, которые открывают им почти бесконечное разнообразие темпоральных отсылок.

Как пример возможности овременения [*Verzeitung*] раздел «Времяисчисление» демонстрирует вызывающую двуликость Януса. Часы и календари, а также конкретные ситуации их возникновения и пути распространения обладают явной культурной спецификой. Распространение европейских моделей времяисчисления по всему миру лишь подчеркивает их прочную связь с провинциальным местом происхождения. Однако это глобальное доминирование также показывает, как определенные представления о времени могут абсолютизироваться и, по крайней мере в определенных рамках, приобрести квазинатуральный характер, от которого потом можно освободиться только с большим трудом.

Даже речь и мышление в категориях прошлого, настоящего и будущего на самом деле не охватывают всех времен, доступных нам в любой момент. Однако в силу их огромной важности стоит хотя бы подступиться к ним. *Контингентности прошлого* (см. соответствующий раздел) также (вновь) следует уделить подобающее ей место. Если обычно мы готовы признать, что только будущее контингентно, то есть что оно обладает тревожащим свойством быть одновременно возможным и невозможным, то мы точно не должны упускать из виду (не)возможное прошлого.

Историческое нужно защитить от упования, что оно станет надежным оплотом определенности, неподвластной изменениям. Ведь если тезис о множественности времен верен, то настоящее подвержено не только потрясениям со стороны непредсказуемого будущего, но и преследованиям призраками прошлого, о существовании которых оно не могло и помыслить и которые, пока они не предстанут воочию, представляются буквально немислимыми — как в положительном, так и в отрицательном смысле. Именно здесь проявляется ограниченность понимания истории, опирающегося на гомогенность, линейность и телеологию, поскольку оно отбрасывает все те возможные истории, которые содержатся в прошлом. О том, насколько настоящее может быть обескуражено таким контингентным прошлым, или прошлыми, можно судить по разговорам о «забытых» или «утраченных» историях, которые только сейчас начинают обращать на себя внимание.

Этому *настоящему* (см. соответствующий раздел) отведена особая роль в сбивающей с толку игре времен. В конце концов, это единственное доступное нам время — и как временная модальность оно также характеризуется тем, что охватывает все доступное, то есть все, на что еще можно повлиять и что можно изменить. Настоящее содержит в себе также прошлое и будущее, поскольку у этих отсутствующих времен нет другого места существования — ведь как прошлое они уже не существуют, а как будущее — еще нет. Учитывая это, удивляешься, что «настоящее» обычно исследуется историками крайне мало. Может быть, из-за кажущейся непосильной задачи разобраться со всем этим?

Чтобы, во избежание сложностей, не заниматься всем одновременно, явления и проблемы можно перенести в отсутствующие времена. И тогда прошлое и будущее станут соответственно временем «уже не» и «еще не». Однако, как это ни парадоксально, они могут взять на себя эту роль только в том случае, если постоянно присутствуют в настоящем в качестве этих отсутствующих времен. Таким образом, становится очевидно, что прошлое и будущее — не противопоставленные настоящему временные

периоды, а его собственные проекции, которые невозможно от этого настоящего отделить (см. раздел «Будущее — безопасность — модерн»). Однако не в последнюю очередь всевозможные политические связи между вопросами будущего и проблемами определенности показывают те трудности, которые возникают, как только будущее время желают отделить как якобы независимую сущность от настоящего, которое его проецирует. В этом случае речь идет о едва завуалированной и неизбежно обреченной на провал попытке остановить время.

О том, что временные отношения гораздо сложнее, чем принято считать, свидетельствуют прежде всего темпоральные феномены, которые выпадают из поля зрения, не воспринимаются всерьез или попросту отвергаются. *Культурное забвение*, в частности, все еще вынуждено оправдываться перед воспоминаниями и памятью. Между тем забвение не только так же жизненно необходимо, как и воспоминание, но и характеризуется многочисленными временными связями. Хотя, с одной стороны, нужно уметь забывать, чтобы жизнь продолжалась, забвение в строгом смысле слова невозможно, поскольку мы должны как минимум помнить о факте забвения. Кроме того, забвение возвращает нас к контингентности прошлого, ведь оно отсылает нас не только к вытесненному прошлому, но и к воспоминаниям о событиях, которых никогда не было. Забвение, таким образом, указывает на потенциальность исторического: прошлое дремлет там в бездействии, готовое в любой момент стать настоящим.

Известной риторической формулой приведения к общему знаменателю множества исторических овременений [*Verzeitungen*] является *одновременность неодновременно* [*Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*] (см. соответствующий раздел). Даже если намерения, связанные с этой формулой, могут быть вполне прозрачными, они создают трудности, которые легко обнаружить. Разговор об одновременности неодновременного так или иначе упирается в европо- и хроноцентризм, которые он, на первый взгляд, пытается преодолеть. Но до тех пор пока неодновременность — снабженная этим негативным префиксом «не» — будет устанавливаться

всякий раз лишь потому, что сам говорящий субъект удостоверяет собственную позицию одновременности, невозможно избежать ловушки хроноцентризма. Здесь также требуется действительное рассмотрение одновременности времен.

Если забвение обычно игнорируют, а неодновременность не понимают, то *анахронизм* (см. соответствующий раздел) нередко просто отвергают. Его причисляют к смертным грехам историографии несмотря на то, что и обнаружение анахронизмов, и сама историографическая деятельность всегда анахроничны. Только в культуре, придерживающейся строгой хронологии, имеет смысл говорить о хронологической ошибке, а в Европе до конца XVI века этого явно не было. Поэтому любые анахронизмы, имевшие место до этого времени, могли вовсе не быть анахронизмами. И с тех пор мы так и не избавились от анахронизмов — к счастью. Ведь работа историка заключается отнюдь не в том, чтобы противопоставлять настоящему дихотомически отделенное от него прошлое и выносить о нем однозначное суждение, а в установлении связей, позволяющих сохранить присутствие отсутствующих времен. Это не может, да и не должно осуществляться без анахронических наложений, поскольку анахронизм исторически работает в высшей степени продуктивно.

Но если я сейчас так подробно останавливаюсь на недостатках устоявшихся моделей времени и истории, чтобы в противовес им подчеркнуть множественность и относительность времен, как же тогда может и должна выглядеть историография? Как мы можем именно в этих запутанных, ненадежных и неопределенных обстоятельствах задействовать такую форму историографии, которая не полагалась бы на потусторонность собирательно-единичной истории, а довольствовалась бы посюсторонностью исторического? Я предлагаю понятие *хроноференция* (см. соответствующий раздел). Оно позволит отказаться от гомогенной линейности собирательно-единичной истории и заняться вместо этого гораздо более разнообразными и повсеместными возможностями и практиками — сопряжением настоящего и отсутствующего времен. Разумеется,

это приводит к гораздо более сложной картине временных отношений, в которых мы живем, — я пытаюсь передать ее с помощью понятия *zeitwischafm* [*Zeitschaft*]¹. Избежать этой сложности невозможно, ибо даже если бы мы захотели, время не окажет нам такого одолжения, прихорашиваясь и выстраиваясь по струнке. И если мы хотим разрешить вопросы и проблемы, которые не дают нам покоя в нашем мире, то адекватного понимания временных отношений недостаточно самого по себе, но оно все же составляет неотъемлемую часть возможных ответов. Новые «рассказы» в старом обличье не помогут справиться с этой задачей — нам нужны новые способы рассказывания, чтобы представить эту сложность по-другому.

Три эссе должны обрисовать, как может выглядеть историография, основанная на хроноференциях.

Американскому городку Карлсбад не уготована главная роль в большом мировом театре, который мы обычно называем «Историей». Но, быть может, именно поэтому стоит разобраться в весьма примечательных временных отношениях, связанных с этим местом (раздел «Курорт, пещера, отходы»). Карлсбад не только присвоил себе имя прославленного богемского курорта в обманчивой надежде извлечь выгоду из этой хронологической отсылки и привлечь туристов. В городе, кроме того, имеются сталактитовые пещеры (не менее привлекательные для развития туризма), которые переносят посетителей в недра истории Земли: на протяжении веков здесь проживали коренные народы, *first nations*, которые оперировали совершенно другими временными моделями, а с конца XX века здесь также находится хранилище ядерных отходов, в котором уже сейчас осуществляется коммуникация с проецируемым будущим. Иными словами, в этом месте переплелись многие, весьма далекие друг от друга времена — и все же в них нет ничего исключительного, поскольку их можно обнаружить, с разными вариациями, в любом уголке Земли.

1. Временной ландшафт (нем.). — Прим. пер.

Но хроноференции, само собой разумеется, могут отсылать не только к пространствам, они неизбежно сопряжены со всем, с чем мы сталкиваемся в реальности. Время и времена не щадят ничего и никого. Это проявляется с особой силой в кризисные эпохи, когда встает вопрос о том, как в них не потеряться (раздел «Хайнер Гамлет Ганс»). В 1989–1990 годах драматург Хайнер Мюллер вместе с труппой Немецкого театра выбрал стратегию разлома времени и на примере «Гамлета» показал, насколько современной может быть пьеса, которой почти 400 лет. Напротив, сапожник и крестьянин Ганс Геберле — современник Гамлета — выбрал в период Тридцатилетней войны стратегию регистрации времени и строгой хронологии, чтобы не потеряться в хаосе реальности. И хотя между протагонистами, казалось бы, нет ничего общего, им приходится справляться, пусть по-разному, с призраками прошлого, которые не желают их отпускать.

Можно с уверенностью утверждать, что французского писателя Клода Симона тоже преследуют призраки — и не только те, с которыми он столкнулся как французский кавалерист во время Второй мировой войны (раздел «Писать историю вместе с Клодом Симоном»). В своем литературном исследовании событий не только XX века, но и более давних периодов Симон постоянно поднимает вопрос о том, как мы обращаемся с этими временами — и какие истории мы можем рассказать о них. Для него все эти времена продолжают существовать, но не в смысле абстрактной теории или смутной эзотерики, а благодаря тем тонким нитям, которые протягивает нам сохранившийся материал сквозь время, — почтовым открыткам, воспоминаниям, листкам календаря, картинам, письмам, фотографиям.

Порой Клоду Симону достаточно выглянуть в окно или, еще лучше, выйти прогуляться. Вещи, которые он видит, люди, которых встречает, судьбы, о которых они рассказывают, — все это, конечно, не гарантирует достоверного знания о событиях прошлого. Но они являются остановочными пунктами среди хаотичной бессмыслицы темпоральных отсылок, для понимания и обозначения которых уже недостаточно слова «история».